

КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ДИСКУРСЕ**

Статья посвящена изучению взаимодействия между контекстуальным содержанием цитаты и принимающего текста. В настоящее время вопрос взаимодействия дискурсов остается еще недостаточно изученным. Анализ цитаты и принимающего текста, принадлежащих разным дискурсам, предполагает обращение к предметно-референтным ситуациям и их когнитивным моделям, которые хранятся в памяти говорящих и во многом определяют семантику и прагматику взаимодействующих текстов. Авторы, в частности, обращаются к проблеме взаимодействия между когнитивными структурами дискурсов, связь между которыми устанавливается в результате включения цитаты в публицистический текст. В подобных случаях происходит сравнение когнитивных моделей ситуаций, передаваемых включенным и принимающим текстами. Один из компонентов модели выдвигается на первый план, становится доминантой, что оказывает особое влияние на интерпретацию принимающего текста и отраженной в нем ситуации.

Ключевые слова: медиадискурс, когнитивные модели ситуаций, пространственная доминанта, акциональная доминанта.

В современном англоязычном медиадискурсе журналисты часто используют интертекстуальные включения, принадлежащие иным дискурсам, с целью продемонстрировать схожие черты между разными событиями или представить одно и то же событие в разных ракурсах. Анализ взаимодействующих текстов предполагает обращение к предметно-референтным ситуациям и их когнитивным моделям, которые хранятся в памяти говорящих и во многом определяют семантику и прагматику конкретных взаимодействующих текстов. Т.А. ван Дейк полагает, что в процессе восприятия дискурса в сознании коммуникантов выстраиваются репрезентации не только текста и контекста, но также и репрезентации (в виде когнитивных моделей) событий или действий, о которых идет речь в дискурсе [1, с. 1–34]. Обобщенные представления о компонентах предметно-референтных ситуаций хранятся в памяти субъекта в виде моделей. Как показал анализ, к составляющим этих моделей относятся: *время, место, участники, их характеристики, обстоятельства, действия участников и их причинно-следственная связь, средства осуществления деятельности, результат действий*. Когнитивные модели ситуаций могут обладать достаточно сложными структурами, которые находят свое выражение в такой же сложной системе, как язык [2, с. 77].

Интенция говорящего выступает как средство создания иерархии компонентов модели, т. е. в зависимости от авторской воли один (или несколько) компонентов

---

* © Шевченко В.Д., Шевченко Е.С., 2016

Шевченко Вячеслав Дмитриевич (slash99@mail.ru), кафедра английской филологии, *Шевченко Екатерина Сергеевна* (slash99@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

как самой ситуации, так и когнитивной модели начинают приобретать для него особую значимость, становясь доминантами в рамках конкретной предметно-референтной ситуации. Компонент ситуации считается доминантой в том случае, если говорящий намеревается сконцентрировать внимание реципиента на определенном референте. Создание иерархии ведет к выдвиганию на первый план тех или иных содержательных компонентов текста при помощи средств языка. Как отмечают Р. Томлин и др., «обычно в рамках связанного дискурса один из референтов становится центральным и отражается в дискурсивных пропозициях» [3, с. 89].

При включении цитаты в состав принимающего текста происходит взаимодействие двух иерархически организованных моделей ситуаций. В результате установления связей между основными элементами содержания взаимодействующих текстов проявляются черты сходства/различия между доминантными компонентами предметно-референтных ситуаций, как правило, относящихся к разным культурно-историческим периодам. Данный процесс включает несколько этапов. На начальном этапе автор принимающего текста обнаруживает черты сходства/различия в разных ситуациях. При восприятии включенного и принимающего текстов реципиентом в его памяти происходит актуализация когнитивных моделей ситуаций, отраженных в этих текстах. Затем происходит поиск общих компонентов в разных ситуациях и, соответственно, общих (доминантных) компонентов в разных моделях, а также рассматривается их текстовое выражение. В результате взаимодействия текстов ситуация, передаваемая включенным текстом, накладывается на ситуацию принимающего текста. Одна ситуация рассматривается через призму другой, контраст между ними помогает лучше познать ситуацию, передаваемую принимающим текстом. Как пишет П. Рикер, «значащий дискурс и есть *hermenēia*, именно он “интерпретирует” реальность даже тогда, когда в нем сообщается “что-то о чем-то”» [4, с. 5].

На доминанту, т. е. наиболее важный для автора компонент передаваемых ситуаций, указывает смысл интекста. В интерферирующих дискурсах доминанты реализуются путем повтора лексических единиц, эксплицитного или имплицитного выражения, использования синонимичных и антонимичных лексических единиц и др. Языковые средства реализации доминант отличаются друг от друга в зависимости от правил, действующих в интерферирующих дискурсах. Материал исследования показывает, что в качестве основных доминант выступают пространственная доминанта и акциональная доминанта [5, с. 44–53].

Пространственная доминанта может выделяться при помощи следующей структуры сочетания языковых элементов: *Adj (оценочный элемент) + N (существительное пространственной семантики)*. В статье “*When Japan was a Secret*”, посвященной истории взаимоотношений западных стран с Японией в 19-м веке, в качестве оценочного элемента в цитате выступает сложное прилагательное, метафорически обозначающее отношение к контактам с другими культурами и содержащее отрицательный оценочный компонент значения: “*If that double-bolted land, Japan, is ever to become hospitable, it is the whale-ship alone to whom the credit will be due; for already she is on the threshold*”. — *Herman Melville, “Moby Dick”, 1851. The first English-language teacher to come to Japan landed in a tiny skiff, but before he did so, Ranald MacDonald pulled the bung from his boat in order to half-swamp her, in the hope of winning over locals with a story that he had come as someone who had fled the cruel tyrannies of a whale-ship captain and then been shipwrecked*” (The Economist, December 22nd, 2007, p. 88). В этом примере компонент «место» (*Japan*) является связующим звеном между разными событиями, одно из которых принадлежит художественному дискурсу. Совпадение компонента «место» в рамках двух ситуаций выделяет его среди других составляющих отражаемых ситуаций. С точки зрения риторики, фрагмент другого дискурса, в котором место становится объектом внимания другого автора, используется для де-

тального, многостороннего представления доминантного компонента, что способствует осознанию реципиентом ее роли в том или ином событии.

В статье “*Gently does it*”, посвященной отношениям между США и Мексикой, в качестве оценочного элемента во фрагменте включенного дискурса также выступает оценочное прилагательное; пространственное значение передается посредством имени собственного, обозначающего место в пространстве: “*Poor Mexico, so far from God and so close to the United States*”. *The remark of Porfirio Diaz, Mexico’s long-serving 19th-century president, has become the even longer-serving cliché of choice for Mexico’s complex and unequal relationship with its gigantic northern neighbour*” (The Economist, December 5th, 2009, p. 82). В цитате средствами передачи пространственного значения служат также лексические единицы *far* и *close*.

Как показывает материал исследования, цитаты, манифестирующие иные дискурсы, используются для выделения компонента «место» в когнитивных моделях ситуаций с целью перехода к событиям, связанным с этими местами; на основе событий месту и приписывается та или иная характеристика. Таким образом, в рассмотренных примерах мы сталкиваемся с актуализацией *событийно-ориентированных* моделей ситуаций, при реализации которых компонент «место» выделяется с целью указания на событие/события, произошедшее в нем. Следует отметить, что само место не является каузатором происходивших в нем событий.

В качестве языковых средств, обладающих пространственным значением, выступают лексические единицы с локативным значением, а также используются единицы, обозначающие особенности ландшафта в той или иной точке пространства. Так, например, в статье “*Unseen Sahara*” об исследованиях, проводящихся в пустыне Сахара, такое существительное пространственной семантики, как *desert*, сочетается с метафорическим оценочным элементом: “*Ibrahim al-Koni, Libya’s leading novelist, was raised as a Tuareg in the Fezzan. In his book “The Bleeding of the Stone”, he quotes a Sufi song:*

The desert is a true treasure
for him who seeks refuge
from men and the evil of men.
In it is contentment,

in it is death and all you seek” (National Geographic, October 2009, p. 108).

В этом фрагменте песенного текста существительное пространственной семантики *the desert* сочетается с метафорическими оценочными элементами, обозначающими отношение участника (автора песни) к месту (пустыне). Место становится доминантой, поскольку оно является каузатором событий, связанных с проведением научных исследований в пустыне Сахаре, которые описаны в принимающем тексте, относящемся к публицистическому дискурсу: “*David Mattingly heads a team of scholars on the Desert Migrations Project, whose work takes us to prehistory. They are time travelers who use four-wheel-drive vehicles to navigate the Sahara looking for traces of our forebears. <...> In the southwest part of Libya, a region called Fezzan is the beating heart of the Sahara, an inaccessible place full of sand seas, wadis, mountains, plateaus, oases, and mystery. Between 500 B.C. and A.D. 500 an estimated 100,000 people farmed and thrived here, in an area that typically receives less than an inch of rain a year and many years none at all*” (National Geographic, October 2009, p. 107). В подобных случаях мы имеем дело с реализацией *локально-ориентированных* когнитивных моделей ситуаций, в которых место является каузатором событий, происходивших в нем. Детальное описание ландшафта в принимающем дискурсе посредством ряда существительных пространственной семантики (*sand seas, wadis, mountains, plateaus, oases*) способствует выделению доминантного компонента «место». В языковой структуре высказывания оценочные элементы являются именной частью составного сказуемого: *N* (существительное пространственной семантики) + *is* + *Adj* (оценочный элемент) + *N* (оценочный элемент).

Информирование о действиях – одна из самых важных задач в рамках публицистического дискурса, поскольку ход и исход событий зависит прежде всего от действий участников разных ситуаций. Для выделения этой доминанты авторы статей также используют включения, принадлежащие иным дискурсам.

Как показал анализ материала, выражение акциональной доминанты происходит посредством включений, содержащих языковые средства, обозначающие субъект, действие, выполняемое им, а также объект действия. В качестве субъекта могут выступать как отдельные личности, так и различные по своему составу группы людей. Основная нагрузка по выражению акциональной доминанты ложится на глагол, поскольку «глагол выступает не только как связующее звено, но и как член двух отношений: ‘субъект – действие’ и ‘действие – объект’» [6, с. 97]. Такой компонент, как действия субъекта обозначается посредством акциональных глаголов, обозначающих различные виды действий, глаголов движения и т. п.

Цитаты, репрезентирующие различные дискурсы, включаются в состав современных публицистических статей с целью выделения акциональной доминанты ситуаций, которой являются, в основном, агрессивные действия, либо действия военного характера по отношению к объектам действий, в качестве которых выступают участники противоборствующей стороны.

Рассмотрим пример из статьи *“It’s a Mad, Mad, Mad, Mad World”*, речь в которой идет об истории военного конфликта между британскими военными и повстанцами-мусульманами в Сомали: *“Some have memorized verses of a classic Somali poem written by the mullah. The gruesome ode is addressed to Richard Corfield, a British political officer who commanded troops on this dusty edge of the empire. The mullah instructs Corfield, who was slain in battle, on what he should tell God’s helpers on his way to hell. “Say: ‘In fury they fell upon us.’/Report how savagely their swords tore you”. The mullah urges Corfield to explain how he pleaded for mercy, and how his eyes “stiffened” with horror as spear butts hit his mouth, silencing his “soft words”. Say: ‘When pain racked me everywhere/Men lay sleepless at my shrieks.’” Hyenas eat Corfield’s flesh, and crows pluck at his veins and tendons. The poem ends with a demand that Corfield tell God’s servants that the mullah’s militants “are like the advancing thunderbolts of a storm, rumbling and roaring”* (Newsweek, October 12, 2009, p. 40). Для выделения компонента «действия» в когнитивной модели ситуации автор использует цитату, репрезентирующую поэтический дискурс, которая содержит акциональные глаголы, обозначающие агрессивные и военные действия участников по отношению к объекту – противоборствующей стороне (***In fury they fell upon us; Report how savagely their swords tore you; Spear butts hit his mouth.*** В данном случае акциональная доминанта также выделяется посредством повелительного наклонения, указывающего на необходимость совершения действия.

Акциональная доминанта может выделяться и при помощи модальных средств, выражающих необходимость совершения действия субъектом. Рассмотрим пример из уже упоминавшейся статьи *“When Japan was a secret”*: *“Though British and Russian ships had from time to time prodded Japan’s carapace, an edict in 1825 spelled out what would happen to uninvited guests “demanding firewood, water and provisions”: The continuation of such insolent proceedings, as also the intention of introducing the Christian religion having come to our knowledge, it is impossible to look on with indifference. If in future foreign vessels should come near any port whatsoever, the local inhabitants shall conjointly drive them away; but should they go away peaceably it is not necessary to pursue them. Should any foreigners land anywhere, they must be arrested or killed, and if the ship approaches the shore it must be destroyed”* (The Economist, December 22nd, 2007, p. 88).

Во фрагменте юридического дискурса, репрезентируемого включенной в публицистический текст цитатой, действие участников описываемой ситуации является доминантой, поскольку в этом типе дискурса одни участники (законодатели) предписывают

совершение определенных действий другим участникам (гражданам страны) по отношению к иностранцам, пытавшимся попасть в Японию в XIX веке (объект действий). Как отмечалось выше, в языковом плане это предписывание осуществляется посредством модальных глаголов (*inhabitants shall conjointly drive them away, they must be arrested or killed, it must be destroyed*), что обусловлено правилами, действующими во включенном типе дискурса, в котором детальное отражение находит категория долженствования. Языковые особенности цитаты позволяют сделать вывод о различных субъектных позициях и статусах участников юридического дискурса, в частности, о позиции «представитель этноса, подчиняющийся его законам». Кроме того, цитата демонстрирует царившее в то время в Японии отношение к представителям других этносов, действия которых потребовали принятия специального указа.

Согласно результатам исследования, такой компонент, как место, выделяется в медиа-дискурсе для того, чтобы указать на события, происходившие в нем [7, с. 137–139]. В рамках разных дискурсов место, являясь доминантой, становится связующим звеном между разными событиями. Выделение пространственной доминанты происходит путем приписывания месту той или иной оценки, являющейся целью участника публицистического дискурса и средством выделения компонента «место» в моделях передаваемых ситуаций. В цитатах, репрезентирующих иные дискурсы, соответствующий смысл выделяется путем сочетания существительного пространственной семантики с оценочными элементами.

Усиление смысла, связанного с акциональной доминантой, происходит путем использования включений, содержащих языковые средства, обозначающие субъект, действие, выполняемое им, а также объект действия; кроме того, эта доминанта реализуется путем использования повелительного наклонения, средств передачи модальности.

Библиографический список

1. Dijk T.A. van. *The Study of Discourse // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume I.* Ed. by Teun A. van Dijk. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 1998. P. 1–34.
2. Searle J.R. *The Construction of Social Reality.* N. Y.: The Free Press, 1995.
3. Tomlin R.S., Forrest L., Pu M.M., Kim M.H. *Discourse Semantics // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume I.* Ed. by Teun A. van Dijk. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998, pp. 63–111.
4. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: АО «Ками», Издательский центр «Academia», 1995.
5. Шевченко В.Д. Пространственная и хронологическая доминанты в дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. Вып. 3 (19). С. 44–53.
6. Варшавская А.И. *Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка).* Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984.
7. Шевченко Е.С. Мимесис и перформанс в современной монодраме // «Наука и культура России»: международная научно-практическая конф. (2013; Самара). X Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 27–29 мая 2013 г. [посвящ. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: материалы] / редкол.: И.К. Андрончев [и др.]. Т. 2. Самара: СамГУПС, 2013. С. 137–139.

References

1. Dijk T.A. van. *The Study of Discourse.* In: *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume I.* Ed. by Teun A. van Dijk. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998, pp. 1-34 [in English].
2. Searle J.R. *The Construction of Social Reality.* New York: The Free Press, 1995 [in English].
3. Tomlin R.S., Forrest L., Pu M.M., Kim M.H. *Discourse Semantics.* In: *Discourse as Structure*

and Process. *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Volume I*. Ed. by Teun A. van Dijk. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998, pp. 63-111 [in English].

4. Рісњур Р. *Germenevtika. Etika. Politika. Moskovskie leksii i interv'iu* [Hermeneutics. Ethics. Politics. Moscow lectures and interviews]. M.: AO «Kamii», Izdatel'skii tsentr «Academia», 1995 [in Russian].

5. Shevchenko V.D. *Prostranstvennaia i khronologicheskaia dominanty v diskurse* [Spatial and chronological dominant components in discourse]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki: Ezhekvartal'nyi nauchnyi zhurnal. Vyp. 3 (19). Pod red. dokt. filol. nauk, prof. T.Iu. Tamer'ian; Sev.-Oset. gos. un-t im. K.L. Khetagurova* [The Urgent Problems of Philology and Pedagogical Linguistics: Quarterly academic journal. Issue 3(19). T.Yu. Tameryan (Ed.); North-Ossetian State University]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2015, pp. 44-53 [in Russian].

6. Varshavskaya A.I. *Smyslovye otnosheniia v strukture iazyka (na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka)* [Semantic relations within the language structure (on the material of the modern English language)]. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1984 [in Russian].

7. Shevchenko E.S. *Mimesis i perfomans v sovremennoi monodrame* [Mimesis and performance in the modern monodrama]. In: «*Nauka i kul'tura Rossii*», *Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konf. (2013; Samara). X Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia «Nauka i kul'tura Rossii», 27-29 maia 2013 g. [Tekst]: [posviashch. Dniu slavianskoi pis'mennosti i kul'tury pamiati sviatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiia: materialy]. Tom 2. Redkol.: I.K. Andronchev [i dr.]* [«Science and culture of Russia», International scientific conference (2013, Samara). X International research and practice conference «Science and culture of Russia», May 27-29, 2013: [devoted to the Day of Slavic literature and culture in the remembrance of the saints equal to the apostles Cyril and Methodius: proceedings]. Vol. 2. I.K. Andronchev [et al.] (Ed.). Samara: SamGUPS, 2013, pp. 137-139 [in Russian].

V.D. Shevchenko, E.S. Shevchenko*

COGNITIVE DOMINANT COMPONENTS IN THE DISCOURSE

The paper is devoted to the problem of interaction between the cognitive structures of discourses connected by means of a citation in the media text. Nowadays the issue of interaction of discourses is still understudied. The analysis of citation and the receiving text, belonging to different discourses suggests an address to the presentive and referential situations and their cognitive models, which reside in the memories of the speakers and to a great extent determine the semantics and pragmatics of interacting texts. The authors, in particular, refer to the issue of interaction between cognitive structures of discourses, the connection between which is established as a result of inclusion of a citation in the publicistic text. In such cases the cognitive models of situations rendered by a citation and a receiving text are compared. One of the components of a model is foregrounded and becomes dominant, thus influencing interpretation of the receiving text and situation rendered by it.

Key words: media discourse, cognitive models of situations, spatial dominant component, action dominant component.

Статья поступила в редакцию 23/VII/2016.

The article received 23/VII/2016.

---

* Shevchenko Vyacheslav Dmitrievich (slash99@mail.ru), Department of English Philology, Shevchenko Ekaterina Sergeevna (slash99@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.